

Светлана Крючкова потрясена своей новой ролью

Журналисты любят расспрашивать актеров о мечтах, которым не суждено было сбыться. О ролях, которые хотелось, но так и не удалось сыграть на сцене. В таких случаях актеры с большей или меньшей охотой рассказывают о своем Гамлете или своей Анне Карениной, о своем Хлестакове или сво-

ей Раневской. По словам Светланы Крючковой, она никогда не мечтала о роли, которую с таким упованием репетирует сейчас. О роли мамы Кураж в спектакле по пьесе Бертольда Брехта "Мамаша Кураж и ее дети", которую ставит сейчас в ее родном БДТ московский режиссер Сергей Яшин.

— Прошлым летом я просто так, для себя перечитала эту пьесу, и она мне показалась холодной. Я не увидела в ней того, что сумел раскрыть на репетициях Сергей Иванович Яшин, человек чрезвычайно тонкий и глубокий. Я его просто обожаю. Давно не получала такого удовольствия от работы. Вам первому это говорю, а до этого никому — боюсь сглазить. Меня спрашивают: как репетируется? Отвечаю: нормально все. А у самой все трепещет внутри. Яшин работает с невероятной отдачей, тратится нещадно. И для нас для всех каждая репетиция — это выворот души наизнанку. Это исповедь перед Богом, перед совестью, друг перед другом, понимаете?

Лет восемь назад я бы не смогла сыграть мамашу Кураж — я бы не знала, как ее играть. Сейчас я знаю. Я должна была за эти годы пережить то, что пережила. Значит, звезды сошлись так, что я именно в этот момент должна была встретиться с этой ролью. Боль мамы Кураж сливается с моей болью, с моими проблемами — женскими, жизненными, материальными, духовными. Я вообще верю в судьбу. Вот почему люди встречаются именно в этой точке и в этот миг? Самолеты в Москву летают с интервалом в час, там много свободных мест — почему надо попасть на один рейс, и что места оказались рядом? Никто не знает.

Я не боюсь, что нас обвинят в конъюнктуре и погоне за злобой дня. Да, Брехт актуален. А как он может быть сегодня неактуален? Идет тридцатилетняя война. Пьеса начинается с того момента, когда пошел шестнадцатый год войны. А сколько у нас длится вся эта катавасия? Давайте-ка вспомним про остров Даманский, который ушел, неведомо куда. Мне тогда, кажется, восемнадцать лет было. Потом Афган, потом Чечня. И как мы раньше возмущались, как падали в обморок от каких-то незначительных подробностей. А сейчас мы спокойно слушаем о том, как позавчера убили двух человек, вчера — четырех. Или я говорю: ой, у меня болит сердце, я больше не могу это слышать и это смотреть. Капаю корвалол и засыпаю. А может ли заснуть та мать, чей сын убит? Нет, конечно. А я засыпаю — вот в чем подлость. И Достоевский прав: подлец человек и подлец тот, кто его подлецом назовет. Когда я выхожу на сцену и читаю Пушкинское "Клеветникам России", оно звучит так, будто сегодня написано. Кто-то мне сказал, что это невзоровщина, а не поэзия. Но вот Станислав Борисович Рассадин послушал, как я читаю, поговорил мне массу комплиментов — да и не в комплиментах дело — и признался, что раньше недолюбливал это стихотворение, а сейчас вдруг услышал в нем такую боль... А я ему говорю: а как же? У меня двое сыновей. Я читаю, как женщина, через судьбу которой не-



посредственно проходит все то, что сейчас творится.

Мы не будем играть трагедию — она сыграет сама за себя. Мы не хотим делать скучный морализаторский спектакль. Если кто хочет отдохнуть — пожалуйста. Это будет спектакль веселый, яркий, с музыкой, с песнями, с танцами. Кураж ее зовут, понимаете? Она женщина Ренессанса. Ее гнут — она не гнется, ее бьют — она встает. Она все время встает. Там же есть картина, когда она говорит: кто сказал, что война — плохо? Это прекрасно! Да здравствует война! И поет, и танцует, и заводит всех. А, пей, а, гуляй! Умирают? Да Бог с ним. Мой сын умирал — кого это трогало? И меня никто не трогает. Пока дочь не замахнется на нее доской: мама, ты с ума сошла!

А ведь на самом деле что происходит? Да, идет война. Но война идет уже давно, и на войну не рождаются дети. Для матери ее ребенок — всегда ребенок. Это я махровую банальность говорю, но ведь так и есть. Она не ощущает, что Эйлиф уже взрослый. Шестнадцать лет ее мотает по войне, и если даже Эйлифу уже двадцать, представляете, с какого возраста она его за собой таскает? Она его здесь мыла, здесь пеленала, здесь стирала его штаны. Он больной ребенок, тощий, интеллектуал в очках. Просто забияка — какая тут война? Ясно, что она его не хочет пускать на войну. А потом она не признается, что мертвый Эйлиф — это ее сын. Можно ли ее в чем-то винить? Ведь у нее остался другой ребенок, и если она сейчас признается, то убьет и его. Ее спрашивают: это ваш сын? Она говорит: нет. Вернее, даже сказать не может — мотает головой. А в следующей картине вместо того чтобы рвать на себе волосы от горя, кричит: вот я вам всем!.. Елена Вайгель, царство небесное, — замечательная актриса, но что она играла? Играла торговку, которая, несмотря на смерть сына, и дальше продолжает заниматься своим ремеслом. Да ведь это акт отчая-

ния, что она еще может сделать?

Она неистово требует: отдайте мои пять гульденов, верните то, что забрали у меня! А забрали что? Сына забрали. Кто его вернет? Никто. И ее выплеск значительно меньше того, что кипит у нее внутри. Так решается у нас каждая сцена: выплеск значительно меньше того наворота, что в душе человека. А нельзя никого ни укорять, ни осуждать. Яшин решает эту пьесу, как Библию, если хотите. Раньше ее играли пафосно и открыто социально — все же написана она в тридцать третьем году. Но на самом деле в "Мамаше Кураж" есть все.

Яшин очень умело находит во мне черты мамы Кураж и замечательно на мне играет — меня это даже удивляет. То есть играть на мне можно, даже необходимо, но я сложный инструмент, когда требуется много рук, чтобы одновременно нажимать на разные клавиши. Ему удается разбудить во мне то, что нужно. Мамашу Кураж обычно играют старушкой, этой мамашей. А у нас что? Извините, у нее два любовника. Если захочет, она еще родит кого-нибудь. Она женщина прежде всего. "Мамаша Кураж и ее дети" — это ведь не только дети ее имеются в виду. Все ее дети. И любой мужчина — тоже ее ребенок. Почему к ней тянутся? С ней тепло, с ней надежно, с ней весело. С ней жизнь. И нежности в ней много. Жизнь задавила ее, заставила быть другой. Но есть моменты, когда в ней прорывается она настоящая. И не покорившаяся. Мамаша Кураж может про себя сказать: я уже стояла на коленях и уже лежала на спине. Каждый скажет про себя такое? Нет, конечно. Никто не стоял, никто не лежал. Мы все такие ангелы, Боже мой, Боже. Ан нет.

... Было время, когда у меня появилось чувство отчуждения от своего театра. Мы повернулись друг к другу спиной, как обиженные дети. Но я с радостью кинулась в объятия своего театра, своего дома, когда мне сказали об этой роли. Я помню глаза Кирилла Юрьевича Лаврова и помню, как он мне говорил о том, что меня утвердили и что он сам очень хотел, чтобы я это сыграла. Я боялась поверить, пока не вывелили распределение. Я сейчас вообще плохо понимаю, где я и где мамаша Кураж. У меня давно такого не было. Для начала это восемьдесят восемь страниц текста. Ее нет только в одной картине, когда она отлучается в город, и то ненадолго. Я напоминаю себе Епиходова: хожу ли я, думаю ли, кушаю ли... Скажите, у вас бывает горячее состояние, полубредовое? Вот я сейчас в таком состоянии нахожусь.

Записал
Дмитрий САВЕЛЬЕВ.
Санкт-Петербург.